

Романы о бандитской любви

ВЛАДИМИР
КОЛЫЧЕВ

ВОЛЬНОМУ – ВОЛЯ

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К60

Колычев, Владимир Григорьевич.

К60 Вольному — воля / Владимир Колычев. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 352 с. — (Колычев. Романы о бандитской любви).

ISBN 978-5-699-98123-6

Сбежав из лагеря, где он мотал срок за убийство, Ролан Тихонов решил твердо — с уголовным прошлым покончено. Но оказалось, путь на волю лежит через кровь — один труп, другой... Вроде бы нашлась тихая пристань, где можно начать новую жизнь под чужим именем. Да не дают ему покоя. Бандит Зубодер, с которым Тихонов рванул с зоны, требует отступных. Иначе — смерть. Значит, опять Ролану надо брать в руки оружие и расправляться с врагами. Он верит в свою счастливую звезду, она не обманет...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-98123-6 © Колычев В., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

ГЛАВА 1

И снова зона, и снова строгий режим. А ведь можно было бы избежать всего этого. Был шанс начать новую жизнь, но не свернул он со скользкой дорожки. Преступная жизнь, преступные деяния — и вот, как итог, тринадцать лет лишения свободы.

В этот срок были включены полгода, проведенные в следственном изоляторе, но не засчитаны пять месяцев, в течение которых он лежал в больнице, в нейрохирургическом отделении после страшного ранения. Пулю из головы вытащили, пробоину в черепе залатали металлической пластиной. Операция прошла на редкость успешно, но Ролана едва не загубили в реанимации: паршивый уход, даже не дефицит, а полное отсутствие дорогих эффективных лекарств. А с его стороны не было желания жить дальше. Он не хотел выкарабкаться с того света, хотя понимал, что пропуск в райские кущи за свою греховную жизнь он не заслужил. Но, видимо, и в аду его не очень-то ждали, поэтому не умер он от заражения крови, которым его наградила медсестра, — непонятно, то ли по халатности, то ли по злому умыслу. Не так давно эта женщина потеряла сына — в пьяной драке он был забит до смерти матерыми уголовниками. Именно поэтому она так невзлюбила Ролана, судимого в прошлом и подследственного в том больничном настоящем...

После больницы был следственный изолятор. Далее — суд, приговор, этап на дальнюю лесоповальную

зону. Карантинная камера, ржавеющие шконки в три яруса, под грязно-серым потолком яркая до боли в глазах лампочка дежурного освещения. Поздно уже, ночь, но спят не все. Кто-то переговаривается меж собой, кто-то лежит молча и думает о том, что ждет его впереди. Строгий режим — не особый, рецидивисты здесь есть, но и новичков более чем достаточно. Новичкам сейчас сложнее всего. О жизни в зоне они знают в теории, а совсем скоро, возможно уже завтра, для них начнется каторжная практика. У Ролана это вторая ходка, но и у него на душе беспокойно, вопрос наслаивается на вопрос — в голове суматоха. Как примут его в камере, как жить ему дальше, к кому примкнуть, к блатным или мушкетерам?

В прошлой своей жизни он был отрицалой, состоял в пристяжи смотрящего зоной, имел определенный авторитет. И после, уже на свободе, примкнул к законному вору, исполнял его волю — за что, в сущности, и пострадал. Выжил он чудом, но в чудеса больше не верит. И в сказки о воровском благе тоже. Нет в блатной жизни никакой романтики, есть только кровь и горькие слезы. О воровской короне даже мечтать неохота, не говоря уже о том, чтобы рваться к ней — по трупам, как по шпалам. Но в то же время жизнь в неволе у него долгая, статья тяжкая — на условно-досрочное рассчитывать не приходится, а блатные на то и блатные, что блат у них должен быть в зоне, привилегии всякие, опять же грев из общака. Можно было бы примкнуть к черноходам из одних только корыстных интересов. Можно было бы, если бы не закавыка. Ролан еще на этапе узнал, что срок ему придется мотать на «красной» зоне, где бал правят менты и активисты-красноповязочники. В смотрящих здесь законный вор, которого до сих пор не развенчали, хотя все знают, что ссучился он еще два-три года назад. И в пристяжи у него такие же суки. Правильные воры

держатся здесь не долго — кого не сломишь уговорами и штрафным изолятором, того опускают по беспределу. Здешний хозяин ни с кем, говорят, не церемонится — и не счесть, сколько сейчас в петушинных кутках бывших авторитетов. Так что против течения лучше не плыть, тем более если нет такого желания. С головой у Ролана еще не все в порядке, в непогоду иной раз так болеть начинает, что хоть в петлю лезь. Но сила в руках есть, мощное тело, крепкие ноги — одним словом, на лесоповале он не пропадет. Будет работать, будет валить лес, глядишь, худо-бедно до конца срока доживет. К пятидесяти годам на свободу выйдет. А вот что дальше?

Ролан тяжело вздохнул, повернулся на бок, лицом к стенке, закрыл глаза. Но уснуть он смог только под утро.

А в шесть утра прозвучала команда «Подъем». И кто бы ты ни был, авторитетный блатной или последний из прокаженных, будь добр, оторви свое брэнное тело от шконки и становись в очередь к умывальнику. Откровенных активистов среди новичков еще нет, никто вроде бы не торопится надеть на рукав красную повязку, но все знают, что кум уже провел работу с вновь прибывшими зэками, что есть у него в камере свои люди, которые все видят, все замечают и запоминают, чтобы затем донести куда следует.

С Роланом тоже работали. Позавчера с ним разговаривал начальник оперчасти, сорокалетний майор с желтушными глазами. То с одного боку зайдет, то с другого, и так и эдак, дескать, друг другу помогать надо. Пришлось объяснить ему, что мент ему другом никогда не будет. Стучать Ролан отказался наотрез, в актив записываться тоже, но не грубил, говорил спокойно, обстоятельно — чтобы сразу с этапа не залететь в штрафной изолятор. В общем, всем своим видом дал понять начальнику, что вышел он из того возраста, чтобы герой-

ствовать во славу собственного авторитета. Не нужны ему лишние проблемы, и без того по уши в дерьме...

Подъем, утренний туалет. И еще осмотр. Роба должна быть чистой, подворотничок свежим, сапоги начищенными если не до блеска, то близко к тому. Ролан, что называется, соответствовал. Но ему было все равно, что подумает о нем начальник. Главное, чтобы зэковская братия видела в нем человека, привыкшего следить за своим внешним видом. Чистота — залог не только здоровья, но и уважения. Правильный арестант никогда не опустится до уровня грязного и презренного чушка.

Завтрак Ролана не порадовал. Каша из непонятных злаков с перемолотыми мослами и хрящами, плохо пропеченный хлеб с какой-то соломой, едва подкрашенный теплый чай. Но делать нечего: собственный хабар пуст, как амбар в голодную неурожайную пору, а о передачах с воли можно только мечтать. Некому слать ему грев с воли, разве что мать посылочку раз в месяц соберет.

После обеда из камеры выдернули несколько человек, в том числе и Ролана. Толстощекий зэк из актива с красной повязкой на рукаве выстроил их в коридоре карантинного корпуса. Сытая вывеска, презрительный взгляд, наглая ухмылка от уха до уха — как будто он соль земли, а все остальные прах могильный под его ногами. Был бы Ролан помоложе, он бы сказал этому козлу пару ласковых, а может, и промеж глаз въехал. Но нет в нем прежней прыти, да и не нужны ему конфликты. Поэтому он молча отправился в класс профотбора, где новичков ждала целая комиссия с начальником производства во главе.

Ролан сразу понял, что комиссия была создана для проформы. Никто не заглядывал в его личное дело, никто не спрашивал о полученном на гражданке образовании. Да и ни к чему это было, ведь работа на зоне одна — валить да грузить в лесовозы сосны и ели. И неважно,

умеешь ли ты работать бензопилой — все равно и научат, и заставят. Как и ожидалось, его определили на лесоповал и зачислили в третий отряд, как и всех остальных, кто вместе с ним прибыл на профотбор.

На общем режиме легче, там заключенные живут в общежитиях, по своему устройству напоминающих армейские казармы. Строгий режим — это, в сущности, та же тюрьма, где эков содержат в камерах, откуда и отправляют на работы. Но хата, в которую попал Ролан, заметно отличалась от тех, к каким он привык в изоляторах и на пересылках. Большое и довольно-таки светлое помещение; настоящие, с панцирными сетками, койки расставлены плотно одна к другой, зато всего в один ярус. Телевизор под потолком и над самой дверью. Табуретки — с торца каждой шконки, что для тюрьмы большая редкость; затертая до дыр ковровая дорожка от железной двери до центрального окна, забранного одной-единственной решеткой. Выкрашенный свежей краской бетонный пол, довольно-таки свежая побелка, на стенах ни единой скабрезной наклейки из мужского журнала или просто хулиганской надписи. Отхожее место вычищено, медный краник над «тюльпаном» надраен до идеального блеска. Ни пылинки, ни хотя бы легкого запаха. Чувствовалось, что за чистотой и порядком здесь следят с пристрастием. Самое удивительное, что людей в камере не было, если, конечно, не считать смазливового смугловатого брюнета, который был занят тем, что ползал на карачках под кроватью с мокрой тряпкой в руках. Глядя на него, Ролан подумал, что вряд ли в этой камере его считают за человека. В лучшем случае он просто шнырь, а в худшем — изгой неприкасаемый.

— О! Нашего полку прибыло! — то ли для приличия, то ли действительно обрадовался брюнет.

Ролан едва удержался, чтобы не послать его на три бу-

квы. Идиотская какая-то ситуация — новичков в камере больше, чем старожилков. Трое против одного, да и тот, судя по всему, петух позорный. Правильные черты лица, высокий рост, в меру широкие плечи. На воле таких красавчиков обожают женщины, а в тюрьме — особо озабоченные мужланы. Этого, возможно, не только обожают; очень даже может быть, что им еще и пользуются.

— Откуда будете? — спросил парень.

Ответом ему послужила тишина. Ролан был достаточно опытным арестантом для того, чтобы разговаривать с подозрительным красавчиком. И прибывшие с ним мужики казались тертыми калачами.

— А-а, ясно... — Брюнет озадаченно наморщил лоб и провел пальцами по гладкой после бритья щеке. — Зря вы так, мужики. Я не такой, я нормальный. А то, что шурушу в камере, так это по очереди. Сегодня я дневальный, а завтра ты...

«Ты» было обращено к Ролану. Парень смотрел на него беззлобно, но пристально и вглубь.

— А ты не мужик, по ходу, да. Ты из блатных.

Ролан удивленно повел бровью. Он был в робе, руки держал за спиной, чтобы у красавчика и в мыслях не было протянуть ему свою пятерню для знакомства. И надо было обладать определенным опытом и чутьем, чтобы определить в нем человека, некогда исповедовавшего воровской образ жизни.

— Еще что скажешь? — угрюмо изрек он.

— А то, что я правильный арестант и коситься на меня не надо.

— А если мысли всякие в голову лезут? — небрежно хмыкнул Ролан.

— Сами по себе? — с насмешливым прищуром спросил парень.

— Сами по себе.

— Значит, вакуума в голове много, если лезут.

— Ты за базаром следи, — нахохлился Ролан.

— А ты глупости из головы выбрось, тогда как люди говорить будем.

— О чем нам с тобой говорить? Или ты смотрящий на этой хате?

— Пока нет, а там поглядим. Ссмотрящий сейчас на промке, а вам, братва, располагаться надо. У нас тут как раз шконки освободились...

— Вижу.

Ролан бросил скатку и хабар на свободную шконку поближе к окну. Мужики заняли еще две из тех, что были подальше от двери. У брюнета никто ничего не спрашивал. Он хоть и назвался правильным арестантом, но его мнение никого не волновало.

Ролан молча расстелил матрас, заправил постель. И лег поверх одеяла.

— У нас так не принято, — с осуждением глянул на него брюнет.

Ролан молча отмахнулся от него как от назойливой мухи.

— Не, я серьезно. У нас распорядок — на койках только после отбоя.

— А ты что, пойдешь куму застучишь? — ухмыльнулся Ролан.

— Я бы на твоём месте не борзел. У нас тут очень строго. Чуть что не так, в кондей, а там на завтрак — плесень со стен. Тебе туда лучше не попадать...

— А тебе?

— Да я был там пару раз, и ничего. А у тебя со здоровьем проблемы, да? С головой что-то, да?

Ролан поморщился, как будто под нос ватку с нашатырем сунули. Череп с правой стороны у него деформирован, и короткая стрижка никак не способствовала тому, чтобы скрыть этот недостаток.

— Не твоё дело.

— Ты извини, если на большую мозоль наступил...

— Соскочил бы ты с этой мозоли, а? Не в падлу сказать, и без тебя тошно.

— Зачем так грубо? — не унимался парень. — Я к тебе по-доброму, а ты рычишь. Нельзя так... И со шконки встань. На табурет сядь. Надо так. Я за порядком здесь слежу, мне отвечать...

— Да заткнешься ты наконец!

В душе Ролан понимал, что нельзя ему идти на конфликт с дневальным. Но измочаленная долгими мытарствами подкорка вибрировала от раздражения так, что слетали с резьбы болты. Не должен он был давать волю своим эмоциям, но сил сдержаться не было.

— Ухожу, ухожу. Только со шконки встань.

Брюнет и сам должен был понимать, что Ролан дошел до крайней точки кипения. Ему бы отойти в сторону, чтобы не доводить его до греха. Но нет, продолжает злить.

— Встаю!

Ролан соскочил с койки только для того, чтобы прочить надоедливому дневальному. Дать в лоб, — глядишь, и угомонится.

Но вышло так, что брюнет сам наказал его. Ролан и сам не понял, как оказался на шконке, скрюченный от боли после молниеносного удара в солнечное сплетение. Никак не думал он, что его противник способен на столь мудреный финт.

Он должен был подняться, чтобы возобновить сорванную атаку, но боль проникла глубоко в грудную клетку, разлилась по всему телу, парализуя волю. Наверняка это был какой-то особенный удар, на который способен только мастер.

— Ты полежи немного, успокойся, — насмешливо сказал брюнет.

Сам он был совершенно спокоен. И его ничуть не

смушало присутствие в камере двух мужиков, с которыми Ролан заехал в камеру. Он совершенно не боялся их, хотя бы потому, что знал — на помощь своему товарищу они не придут. Что в тюрьме, что в зоне — везде каждый за себя...

— А потом вставай, на табурете посидишь.

Ролан слышал, как заскрипели кроватные пружины. Это мужики перебрались со шконок на табуретки. Им вовсе не улыбалась постигшая его самого участь.

— Ты меня понял? — спросил парень.

Ответить на этот в общем-то риторический вопрос значило признать свою слабость. Поэтому Ролан промолчал.

— Не понял. Но со шконки ты все равно встанешь...

Брюнет снова взялся за тряпку и не остановился до тех пор, пока не домыл весь пол. Он делал это с таким чувством, будто не было на свете большей радости, чем наводить марафет в тюремной камере. И даже мужиков не пытался припахать, хотя мог.

Боль отступила, но Ролан так и остался лежать на койке. Поднялся, когда брюнет снова подступил к нему, но снова только для того, чтобы атаковать его. Не той он породы человек, чтобы сдаваться без боя. Встал в стойку. Но парень лишь усмехнулся.

— Знаю, ты в рукопашке кое-что сечешь. Но против моего лучше не пробуй. Я карате с двух лет занимаюсь, у меня реально третий дан...

Третий дан в карате — показатель более чем серьезный. Ролан действительно был дока в рукопашном бою, но против мастера такого уровня ему не потянуть.

— Да хоть сто шестой, — зло, сквозь зубы процедил он.

— Нет сто шестого, есть только девятый... Не будь дураком, — понизив голос, сказал парень.

И многозначительно повел головой в сторону при-

тихших мужиков. Дескать, не надо срамиться перед ними, лучше остановись, пока не поздно. А взгляд у него спокойный, охлаждающий. Но, увы, это не остудило пыл Ролана. И он все-таки решился...

В этот раз он приходил в себя не меньше часа. Но лежал не на шконке, а на полу, не в силах подняться. Красавчик брюнет провел против него все тот же удар, все в ту же болевую точку, но с более серьезными для Ролана последствиями. Теперь у него не оставалось никаких сомнений в том, что он имел дело с настоящим мастером рукопашного боя. Больше желания проверить его на прочность не возникало.

А брюнет и не стремился добить его. Присел рядом с ним на табурет и давай увещевать.

— Да ты не переживай, брат, здесь все знают, что против меня приема нет. Мне даже кличку такую хотели дать — Лом. Типа против лома нет приема. Но прижилась другая — Красавчик. А так меня Дима зовут, фамилия совсем безобидная — Бабочкин... И я сам, как бабочка, порхаю, знаешь ли... — задумавшись, начал было Красавчик. Но, спохватившись, изменил тему: — Я сам из Гачкина, городок такой под Черноземском есть. Маленький такой, ты не знаешь...

— Знаю, — через силу сказал Ролан. — Сам из Черноземска...

Он уже не чувствовал неприязни к этому парню. Зато чувствовал свою вину — не должен он был лезть на рожон. По заслугам схлопотал. Но все равно до боли обидно.

— Да ну! — обрадовался Красавчик. — Так мы что, земляки?

— Ну да...

Ролан и сам был рад встретить земляка в далеком пермском краю. Этап, с которым он шел из Черноземского СИЗО, давно уже рассосался по тюрьмам и пересылкам, до этой зоны дошли единицы, и тех определили

в другие отряды. Жаль, что встреча с земляком началась не с той ноты. Но чувствовалось, что Дима Бабочкин — парень компанейский и незлопамятный, может, и сойдутся они, что называется, вась-вась.

— А зовут тебя как?

— Братва Тихоном величает...

— А по имени?

— Ролан.

— Ты это, брат, поднимайся. Совсем, смотрю, тебе хреново...

— Сам виноват, — выдавил из себя Ролан.

— Руку давай.

Красавчик обладал завидной силой и, казалось, играючи помог ему перебраться с пола на шконку. Но без комментария не обошлось:

— У нас хоть и не санчасть, но можешь на койке полежать. Пока не оклемаешься.

— А потом на табурет? — усмехнулся Ролан.

— Ну да. У нас так положено.

— Везде так положено. Но на это положено еще сверху кладут...

— У нас не так, у нас порядок.

— И кто масть в хате у вас держит? Красные?

— Почему красные? Нормальные люди. Двое из воровских, двое сами по себе...

— И где эти двое из воровских?

— Говорю же, на работах. Лес валят. Они хоть и в авторитете, а хозяин им вольты не дает. Отрицалы у нас или в штрафном, или в сифилиятнике...

— Где?

— Ну, корпус, где спидоносцы и тубики подыхают. Там такой беспредел — жуть. Здорового человека вмиг больным сделают. Кровь больную насильно вколуют, так-то вот... Лучше лес валить, чем туда... Ты это, лучше не быкуй. Завтра на работы погонят, так ты не шарахайся.